

2556

Год издания пятый.

№ 15 (175)

Пролетарии всех стран, соединитесь!

МОСКВА. АПРЕЛЬ 1926 г.

Цена 12 коп.

КРОКОДИЛ

ЛЕСНОЙ ГРОМИЛА.

До сих пор наблюдается хищническая порубка лесов местного значения. Следствием этого являются засухи, обмеление рек и обвалы.

Рис. Ив. Малютина.

Что, дремучий лес, призадумался,
Грустью темною затуманился?

Взял...

Несет...

Донес...

БЕЗ БЮРОКРАТИЗМА.

(К сожалению, истинное происшествие).

— Возмутительный бюрократизм и отчаянная волокита: для того, чтобы получить то, что мне причитается, я должен был две недели убить! И что возмутительнее всего, — уже готовы все справки, все выписки и подписи, и что же? Оказывается, надо ехать куда-то, к чертовой матери, в другой конец города, потому что там сидят самые воротилы, без разрешения которых выдать мне ничего не могут, не смотря на все справки и выписки. Неужели нельзя без этого?

Я бы, конечно, не обратил никакого внимания на этот вопль наболевшей души, — дело привычное, — но меня заинтересовал мой сосед крестьянин. Он с самого начала этого выступления (не в прениях, а просто в вагоне) с диким вниманием вслушивался в жалобу на бюрократизм и после несуразного вопроса о «неужели» робко спросил:

— А дозвольте, товарищ, спросить: это все бюрократизм?

— Я думаю, что могу назвать это именно бюрократизмом! И при том самым настоящим. Две недели...

Крестьянин вдруг задал самый нелепый вопрос:

— Где бы, товарищ, похлопотать, чтобы его к нам назначили? Хучь в уезд, хучь в губернию? Уж в волости-то как-нибудь обойдемся... А то совсем пропадать приходится.

Остекленение лица моего не поддается описанию:

— То-есть позволтете? О бюрократизме заскучали? Где же это вы живете?

Ожидал я получить адрес куда-нибудь на Марс или на иную планету, но услышал совершенно неожиданное сообщение:

— Владимирские мы! Владимирской губернии, Переславльского уезда, Нагорьевской волости. Сумежные деревни там—Иваново и Степанцево. Как есть—владимирские...

— А не с луны свалились?

— Не. Зачем с луны? Под боком у Москвы живем. А дело наше такое... Как тут товарищ говорит, что через бюрократизму в две недели дельце обдидил, то и нам бы... Каждому, небось, лестно!...

Вежливо сплюнув и видя наш неподдельный интерес, он продолжал:

— Погорели мы. Восемь дворов погорело в Иваново и Степанцево, как деревни-то сумежные. Погорели о прошлом годе, в Петров пост еще. Туды, сюды, вон куды—подались в Нагорьевский комитет взаимопомощи насчет лесу для постройки. Комитет что-ж, почему не дать лесу? А как сам не может, то написал в уезд, в Переславль, значит, Залесский. Конечное дело, бюрократизмы у нас так что в декабре вышло из

уезда разрешение. Мы, значит, приготовили, напилили да с лошаденками и под'ехали. А нам — накость, выкуси!—с губернии разрешения нет вывозить. Мы туды, мы сюды, — нет разрешения с губернии!

— Дда. Мы ходака в уезд. 45 верст пехом живой рукой отмахал. А только там сказали — ждите. Бревна в лесу, строиться нельзя. Одначе ждатель-то некуда, не в силах уж. Отступились мы от комитета взаимопомощи, и еще раз в уезд в сполком. Там нам бумагу шештого марта выписали на лесничего, чтобы отдал лес напиленный. А лесничий наш,—может, слышали?—Смирнов товарищ? Так он безо всякой бюрократизмы говорит:

— «Покеда из ГЛЮ не будет бумаги, нет вам лесу».

— Что тут будешь-станешь делать? Собрали мы двенадцать целковых и срядили Королева во Владимир. На билеты ему вышло 10 р. 54 к., да прохарчился, потому до Берендеева 65 верст пехом, да по поезду более трехсот верст. Разыскал ГЛЮ эту самую, выправил бумажку, привез аккурат на Евдокию-обмочи-порог. А с бюрократизмой-то, глядишь, за две недели обделали бы... Я про то и спрашиваю,—нельзя ли ее к нам, — хучь в уезд, хучь в губернию...

Рассказчик вопросительно смотрел на нас. Я занялся легким подсчетом. Оказалось, что «без бюрократизмы», как он говорил, для получения результатов пришлось пройти пешком 310 верст, проехать 620 и затратить не две недели, а ровно полгода, — с Петрова поста по Евдокию-обмочи-порог...

Вл. Павлов.

В КОРЕНЬ И ПОД.

Казенщина не цветок, а цветет и даже очень пышно.

Возвышенные чувства развиваются с возвышением в должности.

Большая самостоятельность бывает при большой протекции.

Врид вридит временно, а зав всегда.

Чиновник по идеологической части—сугуб.

Природа устроила так, что никакая собака не получит куска сахара, если не будет служить на задних лапах.

Об освободившейся вакансии мечтай только тогда, когда у начальства исчерпался запас своих людей, а он неисчерпаем.

Тела от теплоты расширяются; поэтому на теплых местах сидят люди полные.

Все мы отлично можем постоять за себя—у входа в кабинет начальника. Б. Сам.

Рис. К. Е.

— Эти калошки, гражданин, из-за границы прибыли.

— А почему же на них русская марна?

— А они русские и есть. Их нам обратно за ненадобностью прислали.

ПРОГУЛЬЩИКИ.

Чтобы не иметь перебоев в работе от прогулов, заводы принуждены иметь кадр запасных рабочих.

(Из писем рабкоров).

Нил Зотыч Микулов,
Рабочий с завода,
Был лют до прогулов
Различного рода.
Справлял по старинке:
Крестины, поминки,
Престолы... Успенья...
Похмелья... Говенья...
По новому быту:
Коммуны защиту,
Конец Николая,
День Мопра, день мая...
Зарплаты прибыть...
Пивнушки открыть...

Работать за Нила
В прогульную пору
Назначено было
Каблову Егору.
А тот, как Микулов,
Был лют до прогулов.
Чтил свято: Успенья...
Похмелья... Крещенья...
Коммуну в Париже...
Пивнушку поближе....

На место Егора
За время прогулов
Назначен был скоро
Ерема Федулов.

Трясусь я со страха:
Есть слух, и Федулов
Не хочет дать маха
По части прогулов.

М. Андр.

ПО ДЕШЕВКЕ.

(Жуткий факт).

Учитель Голубев сидел у окна оплеухинской школы и отдыхал. Перед сном он загасил лампу, открыл окно и собрался стелить постель.

— Подь сюда, здесь тихо, мы тут все дело мигом обговорим, — услышал он за окном зывающий тенорок.

И две фигуры прошли мимо окна к завалянке. Через минуту потянуло острым махорочным дымком. Тенорок прокашлялся и сплунул:

— Ну, покупай, что ли!

В ответ заскрипел бас:

— Что-ж и куплю — за четыре бутылки.

Пронзительный голос так и взвился:

— Четыре бутылки! Да побойся ты бога! Креста на тебе нет! Глаза-то у тебя есть или нет? За этакую ядреную — четыре бутылки! Экий ты скаредный! Ну, прибавь еще хоть одну, небось, не обедняешь! Денег-то у тебя, чай, куры не клюют!

— А ты считал? Нет, уж цена поставлена и будя. Не прибавлю.

Слышно было, как мужик завозился.

— Эх, Сидорыч, грешно тебе: больно плохо даешь. Неужто моя Катка четырех бутылок не стоит? А? Рази плоха?

— Не.. она ничего. Горласта вот только.

Учитель насторожился:

— Вот черти! Это ведь Самохин с Петровичем. Неужто лошадь за водку продают?

А за окном продолжали:

— ...Прямо первеющая. Ты не сумлевайся насчет стати — все есть, что в их слововии полагается. А на твоих хлебах еще нагуляет.

И опять захрипело в ответ:

— Это ладно. А только годов-то ей не мало. Кабы помоложе — и разговор бы другой.

— Помоложе?... Молодые-то, они норовистые. Молодую-то, ее нешто в упряжку возьмешь? Она те горло перекусит. С годами-то оно в нашем мужицком деле и впрямь лучше.

— Это ты правильно. Товар у тебя — ничего. А только цена — не по товару.

— Эх, Сидорыч! Нешто это цена при твоей силе? Это тебе — тьфу! Ты меня пожалей: ведь до нового-то урожая еще звона сколько терпеть! А ты только четыре бутылки даешь. Как хошь, либо давай на круг четверть, либо и пойду! Жадный ты, пес с тобой!

В кустах что-то зашумело и захрустело. Все покрыл уверенный шопот:

— Эй, эй, куда ты? П-ай-кось суды — прибавлю. Что раскипелся-то, словно самовар. Ты скажи только мне: в работе как она? Ничего?

— Сам, небось, знаешь — работает не плошь машины. Ну, бери скорей. А то кто другой при торгуется — дороже возьму. Верь совести, только нужда заставляет: жгет у меня в утробе. А то нешто бы я отдал? Со слезами ведь отдаю.

— Ну, была не была. По рукам, что-ли! — сдался хриплый бас. — Только ты мне записку отступную напиши, — чтоб все было по форме. В совете заверим. Только за заверку бутылку еще придется дать, так эту чур пополам.

— Чорт вас побери! — не выдержал учитель, высовываясь из окна. — Ты что же это, Самохин, мироедствуешь? У бедного человека по слабости хочешь лошадь купить? В рабочее время за водку! Да и ты тоже хорош, пьяница несчастный. Дома, небось, хлеба нет, а он...

В ответ оба мужика залились вдруг смехом:

— Да вы еще и ржете, скоты вы этакие!

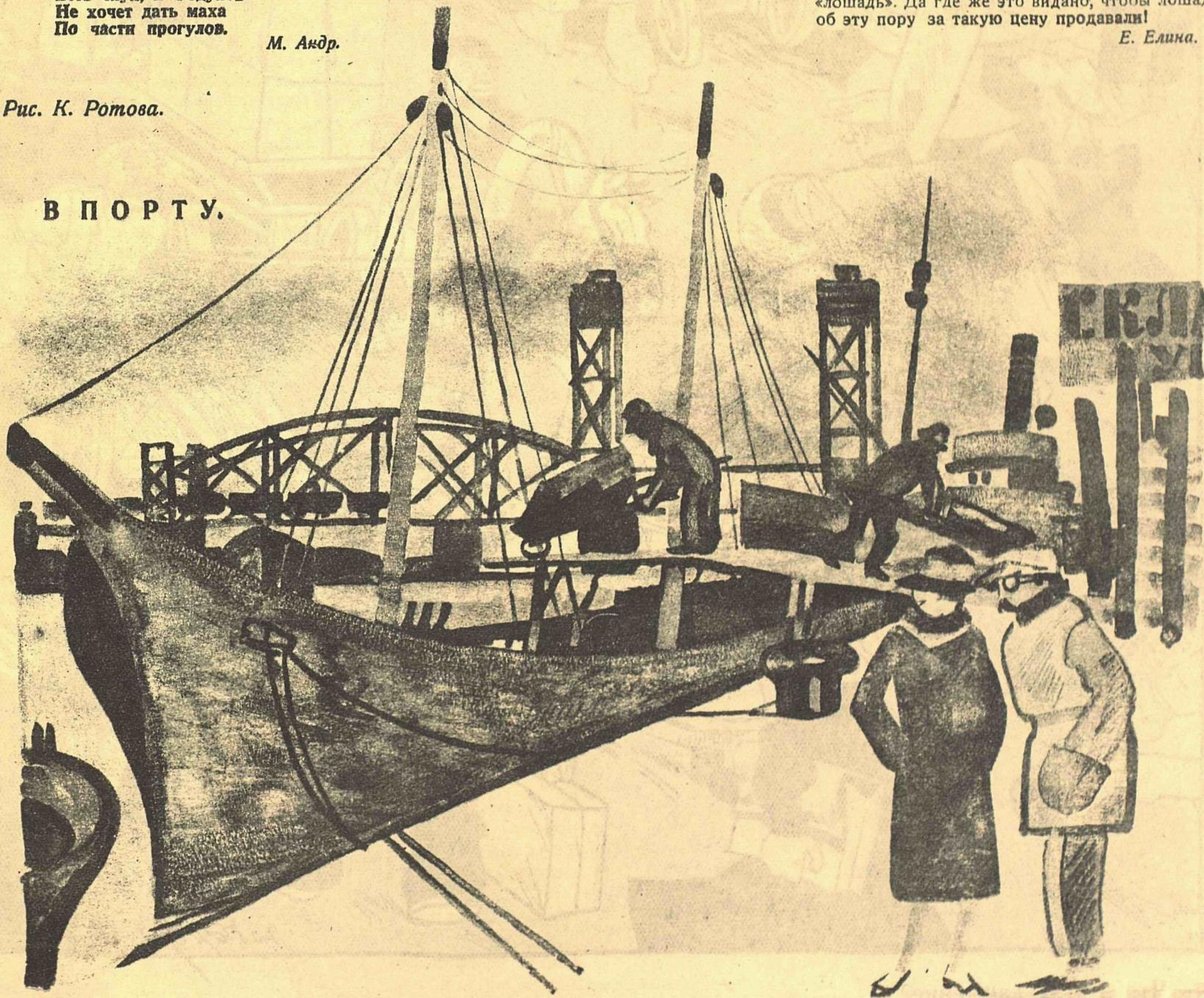
Зубы скалите!

— Да как же не скалить-то? — захлебнулся Самохин, — люди бабу друг другу продают, а он «лошадь». Да где же это видано, чтобы лошадь об эту пору за такую цену продавали!

Е. Елина.

Рис. К. Ротова.

В ПОРТУ.

— Ввозят из-за границы машины и еще чепуху разную, а о пудре, духах и губной помаде забыли. Не понимаю, Жоржик, о чем только думает наше правительство!..

— Что это за движение?

— А это к нам новое начальство назначили.

ПРОПАГАНДА В ГУЩЕ.

В сельских местностях Владимирского уезда за неделю произошло 4 особенно крупных кулачных боя. В каждой драке участвовало свыше 500 человек. Убийств не было, но увечий много, и места побойщи залиты кровью. К месту боёв собираются тысячи зрителей, многие из отдаленных мест.

На громадном голем поле, в трех верстах от города, возле наспех сколоченных ларьков и киосков суетились вспотевшие политпросветчики.

Зав. политпросветом в высоких охотничьих сапогах, наполовину поглотивших его тщедушную фигурку, волчком вертелся среди киосков, хриплым от усталости голосом отдавая последние приказания:

— Чорт знает, что такое! Через час должно начаться, а у вас еще ничего не готово! Марья Семеновна! Где ваша передвижка? Давайте сюда передвижку! Где у нас брошюры по физкультуре и спорту? Их надо выделить в отдельный киоск на самом видном месте! Вот сюда! Здесь будет самый центр движения.

Угрюмый инструктор, в разбитых очках и с подвязанным флюсом, мрачно клеил на киоски плакаты:

— «Нам нужен хороший стрелок», «Утепляйте к зиме хлев» и «Рубокопчатия разносят заразу».

Завполитпросвет коршуном палтел на него, путаясь в огромных своих сапогах:

— Что ж вы делаете, товарищ Пискунов! Этак вы до завтра не кончите! Больше энергии! Сегодня мы должны дать генеральный бой невежеству и темноте!

Пискунов лениво обернулся:

— Сомневаюсь я, товарищ Куликов..

— В чем вы сомневаетесь?

— А вот делаем мы все, делаем... Устраиваем, устраиваем—а может, это все впустую?

— То есть... как впустую? Почему впустую?

— А вдруг они совсем в другом месте нынче соберутся?

Завполитпросвет даже покраснел от негодования:

— Не говорите глупостей, товарищ Пискунов! Больше им собраться негде! Они уже четвертое воскресенье здесь собираются. Вот видите, — уже парад идет! Занимайтесь делом! Где у вас плакат: «Долой пережиток...»?

— Не знаю, товарищ Куликов... Я сам его ищу... Должно быть, вон в той пачке.

— Так чего же вы его не достаете? Вы—что? Вы нарочно хотите сорвать сегодняшнюю огромную работу? Да?

— Ничего я не хочу сорвать...

— Ну, тогда живо доставайте плакат — и клейте его где только можно. Да скорей! А то и так опаздываем.

И завполитпросвет побежал дальше, а инструктор угрюмо стал лепить на фанеру ларьков и киосков:

— «Долой пережиток варварства—кулачные бои!».

Возле киоска с вывеской: «Гигиена—залог здоровья трудящихся» высокий бородач спорил с маленькой курносой девичьей. У девичьи на глазах были слезы:

— Не хочу, не хочу я! Тут нужно будет объяснять про сифилис — правду жизни. И вокруг все будут мужчины. Это ваше дело, Кузьма Петрович! Я буду продавать значки Авиэхима,—и больше ничего.

— Но ведь вы же работали по санпросвету, а я ни в зуб толкнуть.

— Все равно. Пускай товарищ Куликов меня увольняет—я в этом бизнесе сидеть не буду.

Бородач сплюнул:

— Как хотите! Мне все равно! Пусть киоск будет пустой!

★

Завполитпросвет Куликов радостно потирал руки:

— Видите? Народу-то сколько! Не меньше четырех тысяч! Видите? И наши киоски привлекают всеобщее внимание. Это, так сказать, пропаганда в самой гуще! Это—живая работа!

Народная толпа разлилась по полю черной лавиной. Гул и рев стояли над полем невообразимые.

— Пора начинать! Какого чорта ждут? — раздавались голоса...

Постепенно гул стал стихать. Черное кольцо зрителей раздвинулось. В середине поля остались только две группы бойцов, ставших друг против друга, и двенадцать киосков политпросвета, сиротливо затерявшихся в людской гуще.

— Дай бою! Дай бою!—заорали передние с обеих сторон, и зачищали мальчишки уже готовы были кинуться друг на друга.

Тут, выбежав со стулом на середину поля, завполитпросвет Куликов замахал руками:

— Граждане! Одну минуточку внимания! Что вы собираетесь делать? Вы собираетесь начать кулачный бой! Вы собираетесь в свободной советской стране воскресить остатки варварства, унобяясь в своей некуль-

турности самым отсталым и угнетенным народам. Когда в XIX веке наши предки на этом же самом поле...

— Дай бою!—грозно пронеслось вдруг над полем.

Завполитпросвет с'елжился:

— Товарищи! Физкультура—вещь хорошая и нужная. Нам нужен хороший стрелок, нам нужно сильное молодое поколение...

— Ребята, крой! Дай бою!

Позорно оставив стул, товарищ Куликов едва успел проскочить между двумя шеренгами озверевших бойцов. На его место вскочил предводитель боя:

— Ребята! Эти шесть домиков—ваши! А эти—наши! Кто—кого!

Замелькали кулаки. Затрещали челюсти и скулы. И вместе с ними затрещали политпросветские киоски.

Угрюмый инструктор в разбитых очках, будучи свален вместе с киоском, вдруг словно проснулся и, забыв про флюс, ринулся зверем в гущу дерущихся.

Передвижница Марья Семеновна зубами вцепилась в руку какого-то парня, поощряемая громкими криками:

— Так, тетка! Поддерживай наших! Не сдавайся!

А высокий бородач со значками Доброхима, втянутый в общую свалку, не заметил, как под его кулаком кто-то печально охнул и высокие охотничьи сапоги мелькнули в воздухе.

Политпросвет в первый раз за все время своего существования вел живую работу в самой гуще народа.

Вас. Лебедев-Кумач.

НЕУДАЧНЫЙ СОВЕТ.

Некий грешный человек, запутавшись в делах семейных, отправился за советом к старцу Вострохаилу. Старец, приняв приношение, выслушал посетителя и на его просьбу—указать, как же надо жить—изрек:

— Чадо! Открой свое сердце перед всевышним и, не мудрствуя лукаво, живи с верой, надеждой и любовью. Совет сей весьма грешника рассердил:

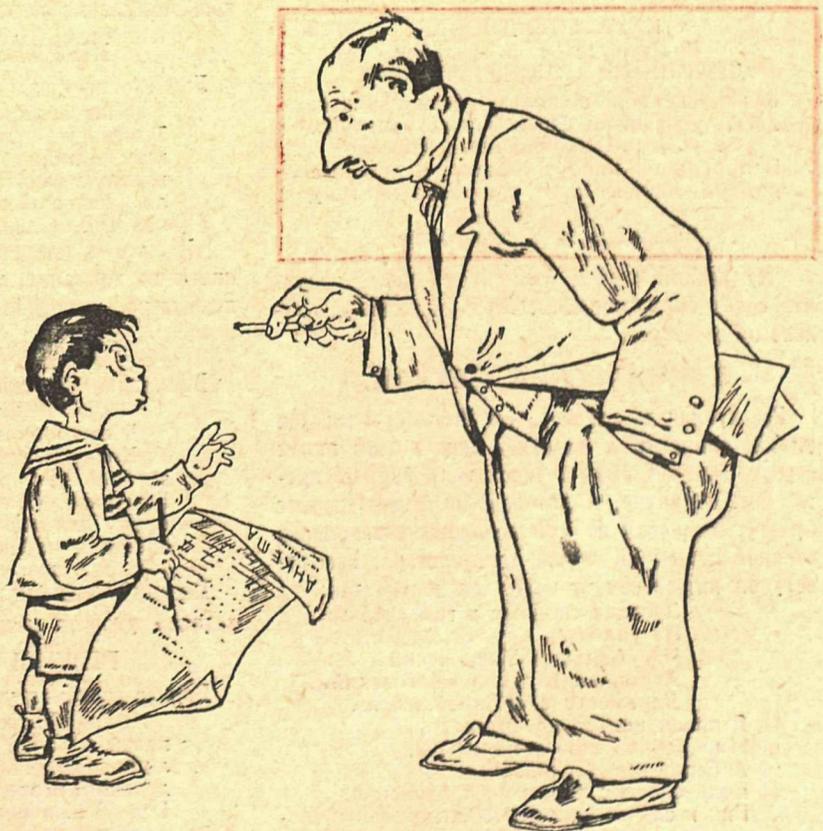
— Безумный старик!—вскричал он.—Может быть, для ровного счета ты посоветуешь, кроме Веры, Надежды и Любви, жить еще и с их матерью—Софьей... А кто за меня платить алименты будет?

И, взяв приношение, убрался во гневе.

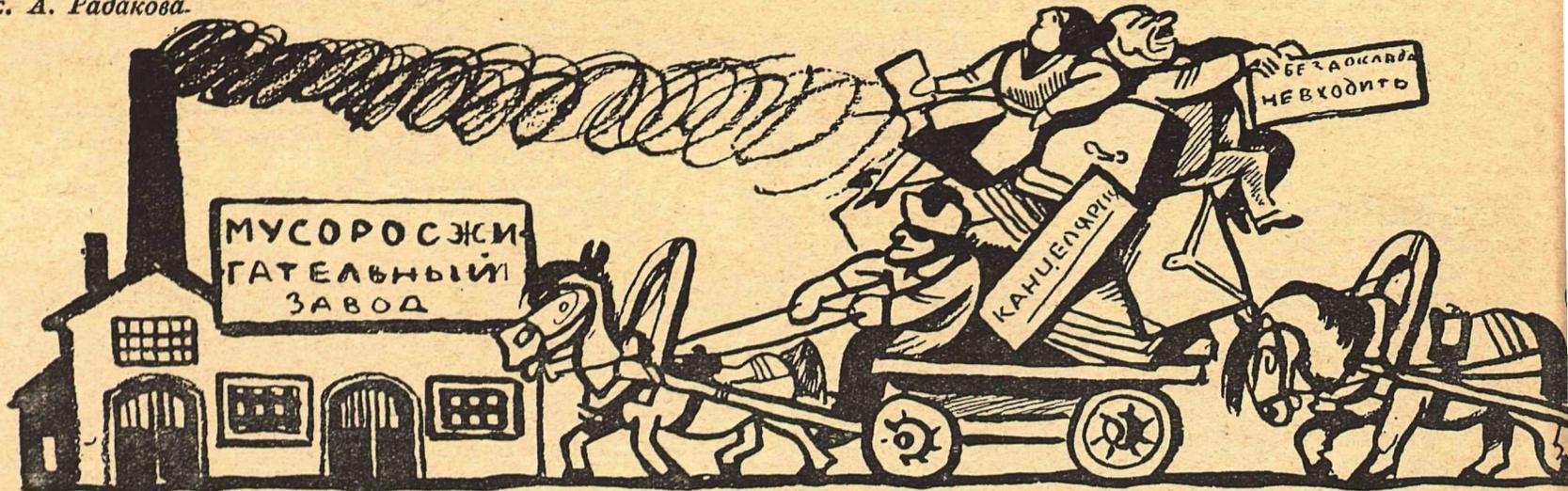
Раймонд Портяннин.

ПИОНЕРСКОЕ ЗАТРУДНЕНИЕ.

Рис. М. Храпковского.

— Папа, что я делал до 1917 года? Мне вот тут анкету заполнить нужно.

ВОТ ПРЕДПРИЯТИЕ, КОТОРОЕ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ТЕРПЕТЬ НЕДОСТАТКА

ВИЛЫ В БОК

ЗВЕЗДА НА ВОСТОКЕ.

Известно, что когда звезда загорелась на востоке, то волхвы отправились за ней в далекое путешествие и что-то очень долго бродили, пока звезда их не привела в ясли. Эту склонность восточных звезд унаследовала полностью «Звезда Алтая». Вот что пишут про нее современные волхвы:

Мы, сотрудники Сибкрайиздата, выписали «Звезду Алтая»: внесли деньги, а газету нам не присылают. Факт налицо.

Нет газеты, то хоть факт налицо. Но нынешним временам и это чего-нибудь да стоит. А что касается «Звезды», то за ней, вероятно, придется попутешествовать не мало. Велные подписчики, можно сказать, не под счастливой звездой родились.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В НИКОЛАЕВЕ.

В газете «Красный Николаев» мы нашли такое объявление:

КЛУБ СВЕРДЛОВА.

В воскресенье, 18 февраля, ДУХОВНЫЙ КОНЦЕРТ-ЛЕКЦИЯ, с отчислением в пользу беспризорных детей, устраивает Совет Уполномоченных Рождество-Богородичного собора. В программу войдут сольные и хоровые номера. Лекция прот. Смирнова на тему «ХРИСТОС».

Подробности в программе.

На всякий случай разъясняем николаевцам, что совет Богородичного собора учреждение далеко не советское.

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ.

Все думали до сих пор, что Чебоксары городов тихий, смирный. А на самом деле в этом милом городке обитают люди неукротимого, буйного нрава. Вот, например, т. Антонов! Он бешено портит бумагу, выпускаемая по 500 печатных экземпляров стеной газеты «Красный Агитатор». Всю газету он пишет сам, а пишет он только так:

Загадка сложная в том «что-то»,
Не увяжешь ведь с тем это,
Что Авирахим Московский
Аэроплан задумал «Котовский».
Да вместе с «Конвойником».

Я писем центра не читал
И не верить словам не мечтал,
А берет все-ж удивленья,
Коль слово с делом не в единеньи,
Как в случае таком (Чебоксарском и Московском).

Тов. Семашко! Обратите же внимание! Где же ваша психиатрическая скорая помощь трудящимся?

НЕ ЛЮБИТ ЛЮБОПЫТНЫХ.

Все тайное становится явным:

Директор-распорядитель Владгубтекстильтреста, Иваново-Вознесен. губернии, Андреев, отдал приказ без его личного разрешения никаких справок в особенности о движении денежных сумм, ни фабкому, ни частным лицам не выдавать. Фабком, однако, выяснил, что задолженность Андреева носит систематический характер с 1 марта 1925 года и выражается в среднем в 320—350 руб. в мес.

Нужно не только справок не давать, но и вообще прекратить это движение денежных сумм... в карман распорядительного директора.

НУЖНЫЙ СНИМОК.

Кое-где проявляют слишком большой интерес к специалистам:

В ноябре 1925 г. дирекция Пученской фабрики потребовалось снять фабрику. Приглашенному фотографу Царегородскому устроили отдельную комнату для проявления и печатания, предоставили койку в общежитии и работа закипела. Царегородский стал снимать, кто не лень: дирекцию, группы, в одиночку, парами, с кошками, с ружьями. Царегородский живет до сих пор при фабрике.

Фотограф-то снимал, а трест не догадался ничего снять... с работы, — это очень жаль!

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ...

Учитель предполагает, а ОНО располагает:

«Славгородское окроно пригласило из Томска учителей 2-й ступени на следующих условиях: 50 руб. жалованья и бесплатную квартиру. Когда учителя приехали, жалованья им положили 40 руб. и квартир не дали».

Ну, что-ж, предполагали дать и снизили, принимая во внимание, вероятно, пролетарское происхождение учителей.

СТРАННАЯ ЗАПИСКА.

Внимание общества «Долой Неграмотность».

«СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА».

В делопроизводство ф-ки «Школа». Хозяйств просит вас сообщить в управление зем. отдел в станию защиты Грызунов. Относительно приезда на фабрику для морения, так что за последнее время не наблюдается в появлении таковых. Зав. хоз. частью (Рошин).

Таковыми записками не то, что грызунов — «Крокодила» уморить можно.

РЕЖИМ ЭКОНОМИИ.

Пример экономии угрожающего размера:

В виду систематической задержки заработной платы рабочие треста Волгокалес просили правление об отпуске кредита. Зав. отделения разрешил открыть кредит... на 1 р. 66 к. в мес. на человека.

Расчетливый человек зав. отделения. Шутка ли — так снизить прожиточный минимум — до 5½ коп. в день!... Сам, небось, и вовсе копейки на две живет.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ.

Сообщает нам печатник Анжерско-Сулженской типографии про такой факт:

«9 марта с. г. вечером заболела моя дочь. До 16 марта я пытался вызвать из больницы врача, но безрезультатно. И вот сейчас пишу вам письмо, а медпомощи все нет и нет. Спрашивается, для чего существует такая больница с таким медперсоналом?»

Какой вы недодливый! Во-первых, для того, чтоб печатали такую больницу вместе с медперсоналом в отделе «Вилы в бок». Во-вторых, чтобы медперсоналу после этого всыпали по всем, по трем: административной, профессиональной и судебной!

АКТИВИСТ.

Из Кинешмы, Иваново-Вознесенской губ., жалуются очень на секретаря Укома:

«Наш секретарь Укома тов. Восканов с момента своего появления и до сих пор проявляет активно свой бюрократизм как-то вызывает к себе на квартиру уборщицу, посылает ее в аптеку, приходя из дома, посылает истопника Укома к себе домой: «Скажи чтоб ставили смовар», пешком и пяти шагов не сделает, все на извозчике. И еще, и еще, и еще».

Какой же это бюрократизм? Да еще активный? Это пустяки, легкая простуда, от которой избавиться можно в два счета — одна чайная ложка К. К.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА.

Действительно бывают в жизни такие тяжелые вопросы, над которыми долго приходится башку ломать. Вот, например, в Ельниках, Пензенской губернии:

«Правление кооператива велает торговлей по лавке, а ревизионная комиссия кооператива в базарные дни ходит по базару и усердно собирает деньги за места. Председатель ревизионной комиссии говорит: «Разве мы доверим сбор денег за места правлению? Наше это дело».

Возможно и их дело, в особенности, если у ревизионной комиссии больше никаких дел и нет. Но в общем дело это темное. Хорошо бы выбрать ревизионную комиссию над ревизионной комиссией...

ВОТ КАК НАДО РАБОТАТЬ.

Учитесь, кооператоры СССР, как надо работать:

В Лысковском обществе потребителей, Нижегород. губ., в магазинах ящики для жалоб прикреплены в таких местах, что к ним подобраться нельзя (или над бочками с керосином, или за ящиками с товаром). Правление гордится, что за все время не поступило ни одной жалобы.

Если бы кооперативные деньги береглись так, как лысковцы берегут ящики для жалоб, то расстраты бы исчезли бесследно с кооперативного лица.

Открыт специальный мусоросжигательный завод, превращающий мусор в полезную энергию.

(Из газет).

В СЫРЬЕ И В КОТОРОМ РАБОЧИЕ ДОЛЖНЫ БЫ РАБОТАТЬ В ЧЕТЫРЕ СМЕНЫ.

НЕУВЯЗКА.

Граждане деревни Бошарово, Иваново-Вознесенской губ., обижаются на свою волицию.

«Прислала нам волиция бумажку, где просит собрать с граждан нашей деревни двадцать рублей. А на что и за что, не сказано. Товарищ «Крокодил», по советским законам разве так можно?»

По советскому закону, конечно, нельзя. А вот по законам волиции, выходит, можно. Вот и неизвестно, чья возьмет.

СОБАЧИЙ ДРУГ.

В Макарьевском доме заключения, Ив.-Возн. губ., устроили баню для заключенных. Когда $\frac{2}{3}$ заключенных помылись, явилась жена начальника с своими двумя собаками, и заключенные принуждены были уступить им место.

Сидят теперь макарьевские заключенные и мечтают. Э-эх, пожить бы нам по-собачьи! Прямо не жизнь, а рай. А все-таки хороший из управляющего исправдомом собачий начальник вышел бы в губернском и даже областном масштабе.

НИ ХОЛОДНО, НИ ЖАРКО.

На архангельской горконференции общества «Друг Детей» председатель правления и завгубоно тов. Тысячный заявил: «За истекший оргпериод проделано немного: что-ж, ругайте нас: ведь нам, все равно, ни тепло, ни холодно».

Хоть вы и Тысячный, а не лучше того Иванова Седьмого, о котором у Чехова что-то сказано!

СПЕЦОДЕЖДА.

В декабре 1925 года у председателя Коопцентра в Москве тов. Громова пропала кепка. Взамен ее была куплена каракулевая шапка в 33 руб. за счет кооператива. Громов получает 225 рублей жалованья.

Ну, что-ж. Дело обычное. На кооперативных председателях очень часто шапки горят

ХЛЕБНАЯ СЛУЖБА.

Кому живется весело, вольготно на Руси, так это, наверное, сотрудникам правления «Хлебопродукта».

Из отчета Хлебопродукта видно, что за 1924/25 г. израсходовано на улучшение быта служащих 460-573 рубл., из которых пришлось:

На само правление (594 ч.)—381.134 р., т. е. по 641 руб. 64 к. на сотрудника.

На служащих провинциальных контор—по 5 руб. на сотрудника.

И на мельничных рабочих по 3 рубля 60 коп.

Ну, как тут не воскликнуть: «Все—в Авиахим!». Почему в Авиахим? А как же—он с вредителями борется, в том числе и с хлебными.

КУДА ШАПКУ ОДЕВАТЬ?

Заводоуправление стекольного завода «им. 9-го января», в гор. В. Волочке, выдало такую спецодежду на 8 человек сторожей: одну пару неизмерных размеров валенок, одну рваную теплую шапку, брезентовый плащ, просвечивающий, как решето, и одну пару рукавиц.

Как же это так — одну шапку на восемь голов? Впрочем, заводоуправление судит, очевидно, по себе. Ему одну шапку, и ту не на что одевать.

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ В ОДИН МИГ.

Культотдел Сев.-Кавк. Крайправления союза Всеработземлес направил Чеченскому окротделению союза 350 букварей и написал по этому поводу в циркуляре: «Буквари необходимо раздать на руки под расписку неграмотным батракам — бесплатно...» и т. д.

Пока что у нас, очевидно, даже в культотделах кое-где неграмотность еще не ликвидирована.

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕХНИКА.

В селе Кучинске, Юрьев. уезда, Ив.-Возн. губ., второй раз грабят фабком льняной мануфактуры. В первый раз в феврале 1925 года воры сломали три замка и забрали денег 245 руб., а сейчас все замки целы, а у председателя фабкома Данилевича нехватает 256 руб.

Это старо очень; замки ломать, шум делать — неприятности разные. В наш век радио и электричества и замки целы, и касса цела, и даже председатель цел. Денег только, правда, нет, но это ж пустяки! А на что членские взносы существуют?

ЗАБОТЛИВЫЕ.

Вот какой вопль докатился до «Крокодила» из Бравилловских сахароводелов сахтреста Подольи:

«До сих пор бьемся без врача. Больница без призора. Больные приходят в больницу сотнями, а только один фельдшер. Нет медикаментов. Стационарные койки есть, но больных не принимают за отсутствием питания».

За такие хорошие дела с удовольствием берем на вилы сахтрест и администрацию Бравилловского сахароводела. Теперь испытуют на своих собственных боках, как плохо без врача и медикаментов.

КОРЕНЬ УЧЕНИЯ ГОРЕК.

Мария Ивановна Карасева из Вязников жалуется нам:

Послала я по объявлению в ленинградское издательство «Прибой» деньги за книги по бухгалтерии. «Прибой» деньги взял, книг не высылает и упорно молчит.

Эх, Мария Ивановна! Не знаете вы русской поговорки: «На то и «Прибой» в Ленинграде, чтобы Карасевы в Вязниках не дремали!».

«СТЕПНАЯ ПРАВДА» ЛИ?

Нам пишут:

«В славгородской окружной газете «Степная Правда» от 26 II—1926 года в тезисах к международному женскому дню написано: «Международный женский день впервые праздновался в 1910 году в г. Копенгагене (Германия)».

За примерную и похвальную точность «Крокодил» преподносит редакции «Степной Правды» адрес — Копенгаген, столица Дании и в ближайшее время вряд ли будет завоеван Германией.

ПО ОСОБОМУ ЧЕРТЕЖУ.

Фабкому фабрики «Таболка», в Вышнем Волочке, потребовался шкаф для «дел». Делать так делать не только «дела», но и шкаф. Заказали технику специальный чертеж, по которому:

Пять рабочих четыре дня делали шкаф и три рабочих три дня отделывали. За материал и работу заплатили 85 рублей, тогда как в готовом виде такой же шкаф можно было купить рублей за тридцать. А когда шкаф привезли в фабком, он оказался непригодным и его отправили в переделку.

В таких случаях, конечно, надо отделывать не шкаф, а фабком. И если после тщательной отделки (например, на общем собрании) он все-таки окажется непригодным, его нужно отправить. Не в переделку, конечно, а просто так, в первобытное состояние.

ОБРОС СОБАКОЙ.

В отдел ГПУ при станции Казань поступило от ответственного работника Донов такое заявление:

У меня пропал шенок, самец, породы сеттер-лаверак. Приметы: белый с черным мелким крапом, на спине у хвоста черное пятно в виде восьмерки, нос беловатый, концы ушей достают ноздри. Кличка «Джек». Услышительная просьба к товарищам принять меры к обнаружению собаки. С товарищеским и коммунистическим приветом. Донов.

ГПУ отправило это заявление в контрольную комиссию, которая, надеюсь, и найдет, где тут зарыта собака.

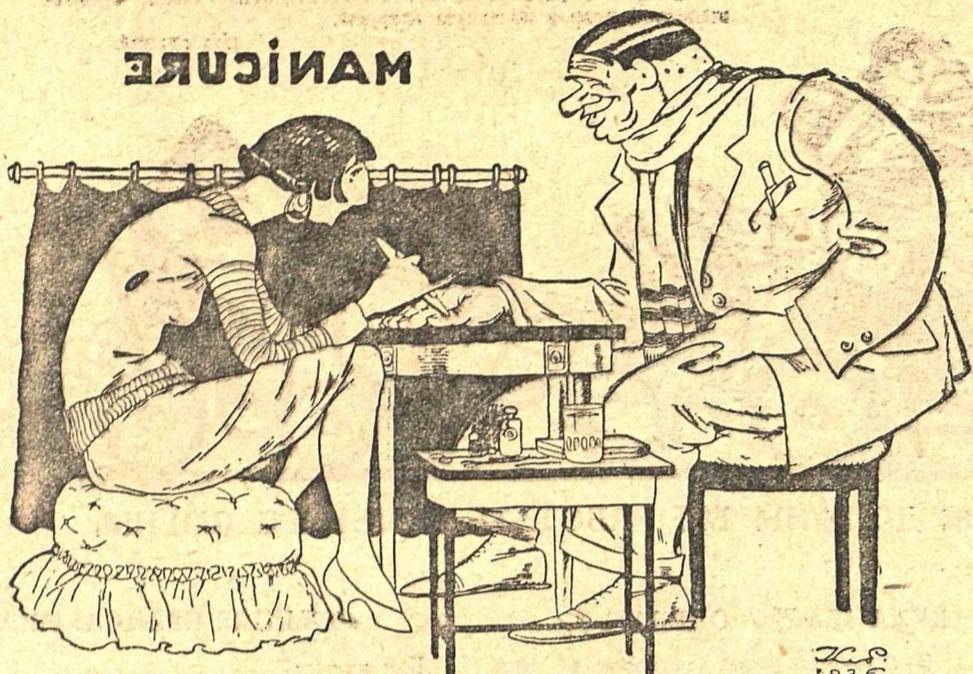
СИРОТЫ.

Сообщают:

«Секретарь партколлектива Ульяновского госссахзавода, Сирота, на общих собраниях рабочих, когда кто-либо задает ему какой-либо вопрос, кричит: «Мы к таким будем принимать соответствующие меры».

Не обижайтесь на него, товарищи. Простите Сироту — некому за ним приглядеть: ни бабки, ни матки, ни даже Укома.

МАНИКЮР

ТРЕСТОВИК: — Каждую неделю делаю маникюр, а все говорят, что я на руку не чист!

О П Е К А.

Член парт'ячейки Петров, он же ответственный работник с «нагрузкой», получил выписку из протокола бюро ячейки:

— Выделить для работы в ячейке ВЛКСМ товарища Петрова.

Член парт'ячейки Петров покачал своей ответственной, с нагрузкой головой и молвил досадливо:

— Назначили... выделили... несерьезная публика у нас в бюро... Не могли помнее для меня работишку придумать... Ну, что я буду с этими бузотерами делать?.. Ну, что я... Впрочем — партдисциплина. Выделили — подчиняюсь. Ничего не попишешь... Буду опекать бузотеров!

«Опека» началась.

— Товарищ Петров, можно к вам?

— Гм... гм... ко мне ведь без доклада... гм... а вы кто, собственно, будете?

— Секретарь ячейки Веелкаэсем.

— Вот... началось! — простонало внутри у Петрова. Но в силу партдисциплины он омолодил приветливой улыбкой свое ответственное лицо и обратился к вошедшему:

— Я вас слушаю, товарищ Веелкаэсем.

— Видите ли, товарищ Петров, мне хотелось бы с вами, как со старшим товарищем-партийцем, выде...

— Др-р-р! — прозвенел настольный автомат.

— Алле? — пропел баском в трубку товарищ Петров, — есть, слушаю, еду...

— И...

— Сами видите, товарищ! — развел товарищ Петров руки ижицей вниз, окунулся в шубу, подхватил грузный свой портфель и хлопнул дверью, которая «без доклада» — баррикада.

— Товарищ Петров, разрешите к вам...

— Гм... без докла... гм... вам что, собственно, товарищ, угодно?.. Вы сами, товарищ, собственно...

— Я — редактор стенгазеты «Стычка», орган ячейки Веелкаэсем!

— Я вас слушаю, товарищ!

— ...Наша стенгазета ко дню 1 мая выходит специальным номером... по согласованию с бюро ячейки Веелкаэсем...

— Покороче, товарищ!..

— Товарищ Петров, нам нужна ваша передовица о дне Первого мая.

Петров нахмурился и, вобрав руки в карманы, вытянул свои ответственные ноги:

— Не могу-с... наотрез!

— Почему же?

— Перегружен-с... тремя солидными газетами перегружен-с, срочнейший заказ на важнейшие для республики темы «к вопросу о...». Никак, товарищ, не могу-с...

— Др-р-р.

— Алле! Я вас слушаю!

— Товарищ Петров... семнадцатого, в субботу, ячейка ВЛКСМ устраивает вечер смычки с подшефным ячейке пионер-отрядом и октябрятами... У нас нет докладчика... Не можете ли вы, товарищ Петров, выступить с кратким словом о зна...

— Не могу, товарищи... категорически не могу-с... Я-с, товарищи, взрослый человек и ни в какие детства, товарищи, впадать не желаю-с, да-с...

— Др-р-р...

— Товарищ Петров! Комсомольская ячейка просит вас принять участие в экскурсии. Ваше присутствие не столько обязательно, сколько желательно, ибо в вашем присутствии...

— Товарищи, извиняюсь, потому что не могу быть, и отказываюсь, потому что занят. И притом, товарищи (ответственный работник Петров поднял свой ответственно-указательный палец), экскурсия — та же прогулка. Прогулка —

тот же прогул... Принципиально возражаю. Категорически отказываюсь... Извиняюсь...

... Член парт'ячейки Петров, он же ответственный работник «с нагрузками», получил выписку из протокола бюро ячейки:

«Выступить на парт'ячейке с докладом о работе ячейки ВЛКСМ».

Товарищ Петров выступил, он выступил, как выступает река из берегов; тема его расширилась до истории возникновения комсомола, как такового. Товарищ Петров провел свою речь через все хронологические этапы комсомола, которые были у него мелким почерком записаны на специальных листках.

— Молодая гвардия на смену старой гвардии! — закончил товарищ Петров. — Все внимание комсомолу — продолжателью октябрьских достижений! Все внимание молодой революционной гвардии!

И когда товарищ Петров кончил свою прочувствованную речь, вся ячейка, вопреки строгому своему обычаю, ему аплодировала. И в рядах говорили:

— Хорошо сказано, крепко!

— Товарищ-то Петров за словом-то в карман не полезет!

— Товарищ-то Петров...

Л. Митницкий.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция «Крокодила», стремясь к улучшению содержания журнала, обращается с просьбой ко всем читателям помочь ей в этом деле. Просим ответить по возможности полно на нижеперечисленные вопросы и прислать ответ по адресу:

МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 3.—«КРОКОДИЛУ».

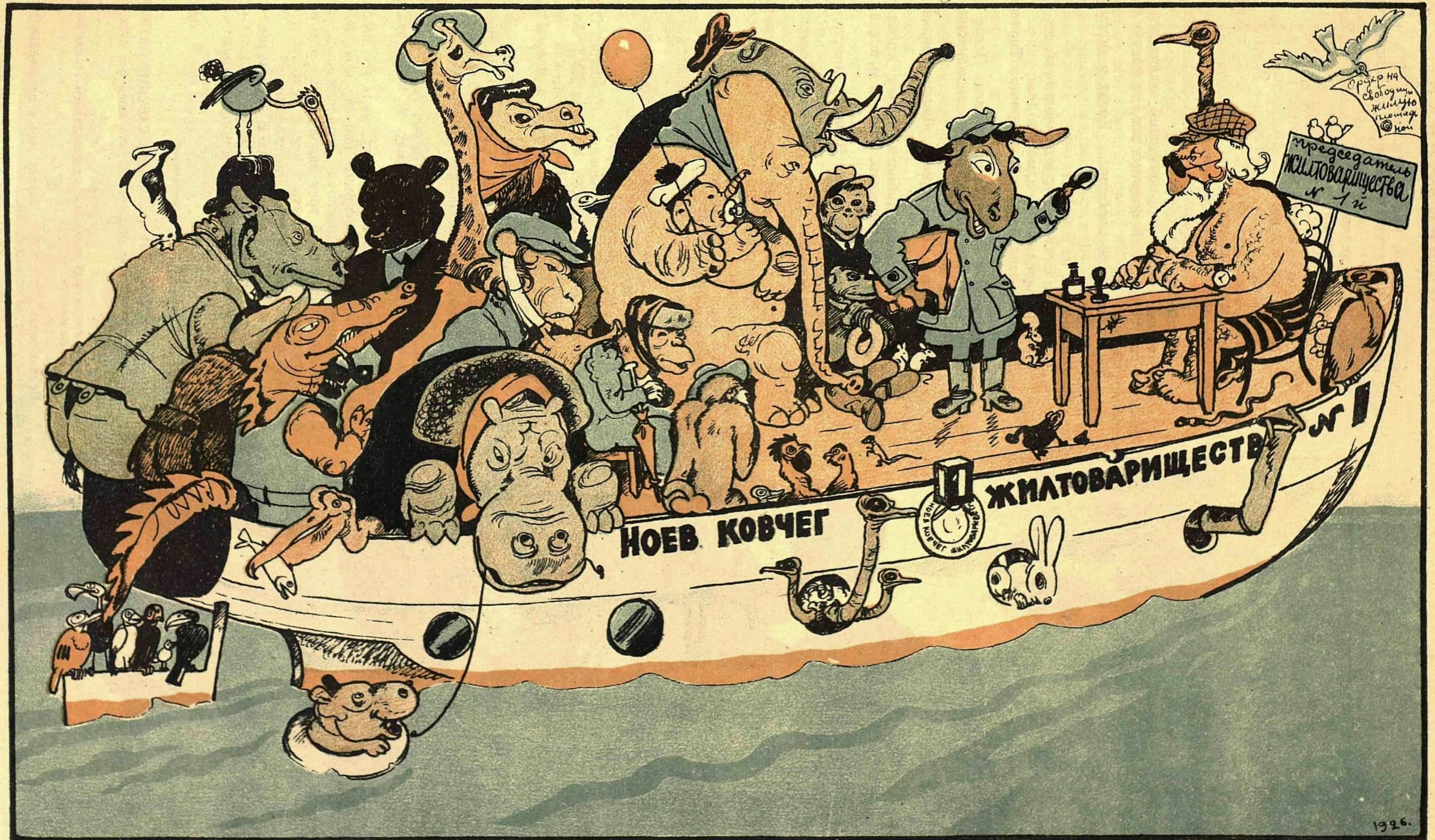
1. Какой рисунок вам в этом номере больше всего нравится? 2. Почему именно? 3. Какой рисунок в этом номере больше всего не нравится? 4. Почему именно? 5. Какого вы мнения об остальных рисунках? 6. Укажите, какие надписи к рисункам в этом номере непонятны. 7. Какой рассказ, стихотворение, фельетон в этом номере больше всего вам понравился? 8. Почему именно? 9. Какой рассказ, стихотворение, фельетон вам не нравится? 10. Почему именно? 11. Нравится ли вам в этом номере «Вилы в бок»? 12. Если нет, то укажите недостатки. 13. Над кем и над чем «Крокодил» должен смеяться, по вашему мнению? 14. Какие недостатки вы находите вообще в «Крокодиле»: а) в содержании рисунков, б) в технике? 15. Что вам нравится вообще в «Крокодиле»?

СВЕДЕНИЯ.

1. Пол (мужчина, женщина). 2. Рабочий, крестьянин, служащий, учащийся. 3. Сколько вам лет? 4. Образование: низшее, среднее, высшее. 5. Партийный, беспартийный, комсомолец. 6. Губерния. 7. Сколько времени вы читаете «Крокодил»?

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОГО В МИРЕ ЖИЛИЩНОГО ТОВАРИЩЕСТВА.

Рис. К. Ротова.

ОСЕЛ:—Товарищ Ной! Я категорически протестую против попыток лишить меня дополнительной жилплощади. Я—ответственный работник и имею дюжину удостоверений!

Рис. К. Елисеева.

Весной и старики не отстают от молодежи.

КАЛЕЙДОСКОП.

Учреждение было, как учреждение. И в комнате — в меру пыльной, в меру темноватой — по списку инвентаря числилось:

Столов канцелярских	2
Стол письменный	1
Стульев	4
Барьер деревянный	1
Портретов вождей	2
Диаграмм	2
Ламп электрических	2
Лампа настольная	1

Все это в описываемый момент дополняли:

Зав	1
Посетитель	1

Посетитель, только что вошедший, взгляделся в зава, покачал головой со всей приятностью, на какую был способен, спросил:

— Не будете ли вы любезны... Когда я смогу увидеть товарища Тяпчева?

— Тяпчев у нас не работает.

— Да, да, да... Стало-быть, вы изволите на их месте?

— Теперь я заведующий адморгподом.

— И давно изволили от товарища Тяпчева дела принять?

— От Тяпчева я ничего не принимал. После Тяпчева здесь Липач сидел. Как-только Тяпчева мобилизовали, товарищ Липач принял дела.

— Вот оно что... С товарища Липача, значит, спрашивали?..

— Кто? Я? Ничего подобного. Липач, когда уходил, передал Смаракову из губотдела. Передал и поехал проводить на местах. Липач.

— Этого, виноват, не знаю. Вашего, то-есть, предшественника—Смаракова.

— Какой он мне предшественник? Он Гнездюку предшественник, а не мне.

— А Гнездюк, простите за беспокойство, куда?

— Делся? Переброшен на работу. Еле успел бумаги в порядок привести.

— Ишь ты... Вам, воображаю, тяжело пришлось—с еле приведенными-то бумагами...

— А мне что? Это Вырвич разбирался,—он ведь после Гнездюка.

— Однако... Вырвич, значит, тоже переброшен?

— Откомандирован в распоряжение.

— А после него вы или еще кто?

— Конечно, нет. После Вырвича—Ерошков. Отправлен для усиления. Затем—Фурсиков. Уехал в ВУЗ. Акацанов—перешел на производство. Долбоносков—как несоответствующий. Бибер—ушел на хозработу. А затем уж я... Да вы почему меня все спрашиваете?

— Я, изволите ли видеть, ежемесячно из уезда привожу ведомости и копии протоколов. Приходится, так сказать, в контакте. Больше и ничего... Извольте получить: три ведомосточки, четыре правленских протокола, два президиумских.

— Гм... Знаете... зайдите-ка лучше завтра,—делопроизводительница будет, она и примет. А я от технической работы...

— И, батенька! Да я вас научу, куда их класть и что делать... Я, бывало, и товарищу Тяпчеву показывал, и до Тяпчева товарищ Оголенкова позадержалась—ее учил. Да еще до Оголенковой трех завов... Вон в том столике папка: протоколы, стало-быть, в нее. А ведомосточки...

— А расписываться мне надо где-нибудь?

— А как же? В получении—раз. В этой ведомости—два. И вот тут—три... Ничего, ничего... может, недельки две еще в этой должности побудете,—оно и попривыкните маленько... Теперь тут вот распишитесь...

В. Ардов.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА.

Вне очереди проходят обыкновенно или люди без руки, или люди с рукой.

***

Даже безграмотный человек с удовольствием ставит кресты в ведомости на жалование.

***

Подчиненный должен быть глупее своего начальника уже по одному тому, что он подчиненный.

ОБЫВАТЕЛИ.

Комсомолец и рабфаковец Григорий Постников делил всех жителей своего города на два лагеря: «обыватели» и «свои ребята».

«Свои ребята» это были — Мишка Гринблат, Валька Косова и еще два-три комсомольца. Остальные пять тысяч с лишним жители — «навоз», «мразь», «обыватели».

Ходил Григорий по улицам города, как в недоброе старое время купчиха по своей собственной кухне — гулко сморкался, очень громко говорил и толкался, толкался, толкался. Казалось в тот момент, что все жители города срочно превратились в тени, а живой только один Григорий Постников, в кепке на затылке, в длинных сапогах и кожаной тужурке.

В случае, ежели замечали: «Товарищ, не толкайтесь, осторожней!» — Гриша, прищурив глаза, бросал на жертву уничтожающий взгляд и орал:

— Во-первых, для всякой беспартийной бражки я не товарищ. Это раз! И оскорблять себя не позволю! Во-вторых, помалкивай, помалкивай, а то ты у меня живо прогремишь на другой полюс...

Обыватели шарахались. Обыватели его боялись. Одни из них рассуждали так: «Что-ж поделаешь, их власть».

Другие — «свяжись с ним, а он про тебя какую-нибудь пакость в газете напишет. Что ему стоит?».

Были и такие, которые все его оскорбления принимали, как милую шуточку, заискивали, улыбались.

Хуже всех доставалось от него преподавателям рабфака. Когда какой-нибудь преподаватель, экзаменуя его, говорил, в конце концов: «Плохо, товарищ Постников. Очень плохо» — Григорий, всплыв, перебивал:

— Ну, ну, прошу без нравоучений! Не забывайте, где вы и что вы! Это вам не гимназия!..

Да что преподаватели. Его же товарищи — комсомольцы перед ним трепетали. Еще бы — Григорий член бюро ячейки, зав, агитпропа, член предметной комиссии, редактор стенгазеты, в учраспреде... Его знают в губкоме. С ним считаются в губкомоле.

На общих собраниях комсомола впечатление было такое, что говорит только один Постников, а остальные только слушают. Очень часто можно было его видеть, как стоит он на трибуне и грызет кусок черного хлеба. При этом он всегда говорил: «Потерпи троуху, ребята сейчас начну — с утра еще не шамал»...

И только с одной Валей Косовой он был мягок, нежен и искренен. Часто, сидя в отдаленном углу парка «Кленники», он читал ей свои стихи:

К тебе, незабвенная Валя,
К твоей революционно-пламенной душе,
К твоим губкам трепетно-алым
Стремлюсь на яву и во сне.

После этих строк Валя обыкновенно глубоко вздыхала, глядела таинственно ввысь и спрашивала:

— Гриша, а когда ты мне, наконец, перепишешь песню: «Налей бокал, в нем нет вина»?

— Перепишу как-нибудь, обязательно перепишу. Все некогда — заседания, комиссии...

— Ух, эти противные заседания, как они мне надоели!..—Но зато, как приятно бывало в том же парке, когда месяца голубой башлык трепыхался в верхушках деревьев, сидеть на скамеечке с Гришей и мечтать, мечтать, мечтать...

— Погоди, Валя, вот кончу рабфак. Вырвусь из этого болота. Поедем в Москву. В университет. А там через четыре годика, гляди, я врач... Ты в бархатном платье и высоких ботинках... У нас квартирка.

— А телефон? Непременно, чтоб телефон.

— И телефон, и ванная, и все, и все удобства... Ну, конечно, само собой разумеется, и прислуга будет...

— А я чем буду заниматься?

— Ты? Исключительно по хозяйству. Одеваться там, в театр ходить, мало што? Я вообще люблю, когда женщина женщиной, а не так себе...

И от этих слов у Вали глаза делались влажными, потел кончик носа и дрожали ноздри. Она ласково перебирала Гришины волосы и шептала:

— Хороший мой, кумсумольчик мой. Умный у меня. Все понимает...

Б. Левин.

Рис. Ив. Малютина.

— Товарищ, зачем же вы женщину толкаете?

— Во-первых, я вам не товарищ! А во-вторых, это не женщина, а обывательница.

Пролетарская диктатура вовсе не в том, чтобы грубо обращаться со всеми, которые не являются членами ВКП и ВЛКСМ.
(Из речи т. Бухарина на VII съезде РЛКСМ).

Рис. К. Елисеева.

Говорят, что советская власть разрушает семью, но иногда и семья пытается разрушить советскую власть.